

Роберт Стивенсон

**Странная история доктора
Джекиля и мистера
Хайда**

Роберт Льюис Стивенсон

**Странная история доктора
Джекиля и мистера Хайда**

«Public Domain»

1886

Стивенсон Р.

Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда /
Р. Стивенсон — «Public Domain», 1886

«Адвокат мистер Утерсон казался суровым, его лицо никогда не освещалось улыбкой; говорил он холодно, кратко, скупясь на слова и нередко подыскивая выражения. Чувств своих Утерсон не любил показывать. Он был высокий, худощавый, угрюмый, человек, но все-таки до известной степени привлекательный. Во время дружеских пирушек, в особенности же, когда вино приходилось по вкусу Утерсону, в его глазах мелькало что-то мягкое, человеческое, что-то, никогда не проскальзывающее в его речах, но проявлявшееся не в одних молчаливых взглядах после обеда; чаще и сильнее выражалась мягкость адвоката в его поступках и образе жизни. Он был суров к себе; пил джин, когда бывал один, чтобы заглушить пристрастие к вину, и, хотя любил спектакли, в течение двадцати лет не переступил порога ни одного из театров. Зато Утерсон был очень снисходителен к другим; адвокат иногда почти с завистью говорил о силе духа, скрывавшейся в проступках людей, и вообще охотнее помогал падшим, нежели осуждал их...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роберт Стивенсон

Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда

Глава I

История двери

Адвокат мистер Утерсон казался суровым, его лицо никогда не освещалось улыбкой; говорил он холодно, кратко, скупясь на слова и нередко подыскивая выражения. Чувств своих Утерсон не любил показывать. Он был высокий, худощавый, угрюмый, человек, но все-таки до известной степени привлекательный. Во время дружеских пирушек, в особенности же, когда вино приходилось по вкусу Утерсону, в его глазах мелькало что-то мягкое, человеческое, что-то, никогда не проскальзывающее в его речах, но проявлявшееся не в одних молчаливых взглядах после обеда; чаще и сильнее выражалась мягкость адвоката в его поступках и образе жизни. Он был суров к себе; пил джин, когда бывал один, чтобы заглушить пристрастие к вину, и, хотя любил спектакли, в течение двадцати лет не переступил порога ни одного из театров. Зато Утерсон был очень снисходителен к другим; адвокат иногда почти с завистью говорил о силе духа, скрывавшейся в проступках людей, и вообще охотнее помогал падшим, нежели осуждал их.

– Я склоняюсь к Каиновой ереси, – замечал Утерсон, – я позволяю моему брату отправляться к дьяволу, как он сам того желает.

Ему случалось быть последним порядочным знакомым, последним хорошим советчиком погибавших людей. И пока они бывали у него, он не менялся по отношению к ним. Такая ровность обращения ничего не стоила Утерсону, потому что он был по натуре сдержан и так добродушен, что даже и дружил только с добродушными людьми.

Каждый истинно скромный человек вступает в тот дружеский круг, который посылает ему судьба. Так действовал и Утерсон. Другьями адвоката делались его родственники или очень старинные знакомые. Привязанность Утерсона разрасталась как плющ с течением времени и не зависела от его сходства с избранным им другом. Этим, без сомнения, объяснялось, почему Утерсон мог сойтись с Энфильдом, своим дальним родственником и довольно известным в городе человеком. Многие ломали себе голову над тем, что общего было у них, что привлекало их друг к другу. Все встречавшие Ричарда Энфильда и Утерсона во время их воскресных прогулок, говорили, что оба они бродили молчаливо, казались невеселыми и точно с облегчением обращались к каждому встречному знакомому. Несмотря на все это, и Утерсон, и Энфильд очень ценили воскресные прогулки, считали их лучшим украшением каждой недели и, желая без помехи наслаждаться ими, не только отказывались от других удовольствий, но откладывали даже и деловые свидания.

Как-то раз они зашли в глухую улицу торговой части Лондона. Эта узкая улица была, что называется, очень спокойной, однако в течение недели на ней кипела торговля. Ее обитатели, по-видимому, жили недурно и надеялись со временем зажить еще лучше. Избыток доходов они тратили на украшение лавок, которые действительно казались приветливы и походили на ряд улыбающихся продавщиц. Даже в воскресенье, когда закрывались привлекательные витрины, улица представлялась красивой в сравнении со своими грязными соседками, и сияла, точно огонь в лесу. Она нравилась прохожему заново выкрашенными ставнями своих домов, хорошо вычищенной медной отделкой дверей и окон, вообще чистотой.

Идя по торговой улице в восточном направлении, прохожий мог заметить, что через два подъезда от угла левая линия ее домов прерывалась входом во двор, в глубине которого стояло мрачное, неуклюжее здание. В его фасаде, обращенном к улице, не блестело окон, и была только одна дверь; второй этаж представлял собой глухую, побуревшую от времени стену. Все здание носило на себе следы полного запустения. Входная дверь, без звонка или молота, сильно покособилась и была покрыта пятнами. В ее нише ютились оборванцы, зажигавшие спички о ее порог; дети играли на ступенях, которые вели к ней; школьник пробовал нож на украшениях стен старого дома, и никто не прогонял этих случайных посетителей и не поправлял следов причиненной ими порчи.

Мистер Энфильд и адвокат были на другой стороне улицы, но когда они поравнялись со входом во двор, Энфильд указал тростью на мрачный дом и спросил:

– Замечали ли вы когда-нибудь эту дверь?

Утерсон ответил утвердительно, и Энфильд прибавил:

– В моем уме она соединяется с очень странной историей.

– Неужели? – сказал Утерсон слегка изменившимся голосом. – А в чем дело?

– Вот в чем, – ответил мистер Энфильд. – Однажды я возвращался домой издалека; было около трех часов утра; погода стояла хмурая, темная, только бесконечные фонари мерцали во мгле. Из улицы я переходил в улицу, все они были освещены, точно в ожидании процессии, и пусты как церковь; наконец я пришел в такое настроение, когда начинаешь прислушиваться к малейшему шороху и желать встретить полицейского. И вот я увидел две человеческие фигуры: крошечный человечек шел на восток очень быстрой походкой, а вдоль поперечной улицы бежала девочка лет восьми или десяти. И вот, сэр, они столкнулись на углу; тогда-то произошло нечто ужасное: прохожий спокойно наступил на упавшую девочку и пошел дальше, не обращая внимания на ее стоны. Слышать об этом одно, но действительная картина произвела на меня адское впечатление. Прохожий показался мне не человеком, а каким-то отвратительным чудовищем. Я закричал, схватил за ворот моего джентльмена и привел его обратно к месту происшествия, где вокруг стонавшего ребенка уже собралась толпа. Он был совершенно спокоен, не сопротивлялся и только взглянул на меня таким отталкивающим взглядом, что холодный пот покатился по моему лицу. Люди, окружавшие девочку, были ее родственниками; вскоре появился и доктор, за которым бежала бедная малютка. Ребенку было не особенно худо, он больше перепугался. Вы, вероятно, думаете, что этим дело и кончилось? Однако следует упомянуть об одном странном обстоятельстве. С первого взгляда мой джентльмен внушил мне отвращение. Был противен он и семейству девочки, что было вполне естественно. Но меня поразил доктор. Он походил на обыкновенного аптекаря; ни его лета, ни его наружность не заставляли обращать на него особенного внимания; говорил он с сильным эдинбургским акцентом и казался отзывчивым, как волынка. Слушайте же, сэр. Доктор Соубонс разделял всеобщие чувства и каждый раз, когда он взглядывал на моего пленника, то бледнел от желания убить его. Я понимал, что происходило в его уме, как он понимал, что творилось у меня в душе. Но так как об убийстве не могло быть и речи, мы поступили иначе: сказали моему джентльмену, что поднимем такой скандал, который опозорит его имя во всем Лондоне. Мы объявили ему, что если у него есть друзья и честное имя, он потеряет их после огласки истории. Говоря ему все это с большим жаром, мы в то же время старались не подпускать к нему женщин, потому что они были раздражены, как гарпии. Я никогда в жизни не видывал столько лиц, полных ненависти; и посреди их стоял странный человек с выражением какого-то мрачного, насмешливого спокойствия на лице. Я видел, что он испуган, что он скрывал свое чувство, точно сатана.

«Если вы хотите воспользоваться этим случаем и нажить капитал, – сказал он, – я, конечно, бессилён. Всякий порядочный человек избегает подобных историй. Скажите вашу цифру».

Ну-с, мы и назначили ему сто фунтов в пользу семьи ребенка; он, очевидно, хотел поторговаться, но в глазах многих из окружавших его людей светилась такая злоба, что он наконец согласился. Теперь следовало получить деньги. И куда бы, вы думали, он провел нас? К этому дому, к этой двери! Он вынул из кармана ключ, открыл им дверь, вошел в здание и сейчас же вернулся назад с десятью фунтами золота и чеком на банк Коутса, на подателя. Чек был подписан именем, которого я назвать не могу, хотя в этом-то и заключается одна из важнейших сторон моей истории. Следует только заметить, что это очень известное имя, часто повторяемое в печати. Мы назначили крупную сумму, но с такой подписью можно было получить гораздо больше. Я осмелился заметить незнакомцу, что дело походит на обман, что в обыкновенной жизни люди не входят в погреба в четыре часа утра и не возвращаются оттуда с чужими чеками. Однако он не смутился и насмешливо сказал:

«Будьте спокойны, я останусь с вами до открытия банка и сам получу деньги по чеку».

Итак, все мы: доктор, отец девочки, наш приятель и я сам, отправились ко мне и провели остаток ночи в моей квартире. Когда настало утро, мы позавтракали у меня и пошли в банк. Я сам подал чек и сказал, что имею все причины думать, что подпись подделана. Ничуть не бывало. Чек оказался настоящим.

– Эге!.. – произнес Утерсон.

– Я вижу, что вы разделяете мои тогдашние чувства, – сказал Энфильд. – Да, это скверная история; с таким дурным человеком, казалось бы, никто порядочный не мог иметь дела, а между тем личность, подписавшая чек, очень известна, даже знаменита, и, что еще хуже, принадлежит к числу людей, делающих добро. Предполагаю интригу, честный человек платит за какой-нибудь грех своей юности. Поэтому я называю этот глухой дом с дверью – домом интриг. Впрочем, даже это предположение не объясняет всего, – прибавил Энфильд и задумался.

Внезапный вопрос Утерсона вывел его из раздумья. Адвокат спросил:

– А вы знаете, живет ли здесь человек, принесший чек?

– Здесь? Нет, – возразил мистер Энфильд. – Но мне случилось узнать его адрес.

– И вы никогда не расспрашивали об этом доме с дверью? – спросил Утерсон.

– Нет, сэр, я деликатен; я остерегаюсь расспросов; расспросы слишком напоминают судебное разбирательство. Заданный вопрос – то же самое, что брошенный с горы камень. Вы спокойно сидите на вершине холма; камень катится вниз, сшибает другие камни; и вот какая-нибудь кроткая старая птица (о которой вы и не думали) убита в своем собственном саду, и ее семье приходится менять имя. Нет, сэр, вот какое у меня правило: чем страннее обстоятельства дела, тем меньше я спрашиваю.

– Очень хорошее правило, – заметил адвокат.

– Но я сам осматривал здание, – продолжал Энфильд. – Едва ли это жилой дом; в нем нет второй двери, и я не замечал, чтобы кто-нибудь входил в него, кроме моего незнакомца, да и он является не часто. В верхнем этаже три окна во двор, внизу ни одного; окна всегда заперты, но чисты. Затем, одна труба почти постоянно дымится, так что, вероятно, там кто-нибудь живет. Но я в этом не уверен, потому что все строения на этом дворе так скученны, что трудно сказать, где кончается одно и начинается другое.

Некоторое время друзья шли молча, наконец Утерсон сказал:

– Энфильд, ваше правило очень хорошо.

– Мне кажется, да, – ответил Энфильд.

– Тем не менее, – продолжал адвокат, – мне нужно задать вам один вопрос: я хотел бы знать имя господина, который наступил на ребенка.

– Что же, – сказал Энфильд, – я не вижу, чтобы это могло принести кому-нибудь вред. Его зовут мистер Хайд.

– Гм... – произнес Утерсон. – А каков он на вид?

– Его не легко описать. В наружности Хайда есть что-то нехорошее, что-то неприятное, что-то прямо отталкивающее. Я никогда на свете не видывал человека, который был бы мне противен до такой степени, но я с трудом могу сказать, почему именно. Вероятно, в Хайде есть какое-нибудь уродство; он производит впечатление уродца, но определить, в чем заключается *его* безобразие, не могу. У него очень странная наружность, но я не в силах указать на ее особенности. Нет, сэр, невозможно, я не могу описать его. И это не вследствие недостатка памяти, потому что я так и вижу мистера Хайда!

Мистер Утерсон опять замолчал и некоторое время шел в глубоком раздумье.

– Вы уверены, что он открыл дверь ключом? – наконец спросил адвокат.

– Мой дорогой сэр... – начал Энфильд вне себя от изумления.

– Да, я знаю, – сказал Утерсон, – я знаю, мой вопрос должен казаться вам странным. Дело в том, что я не спрашиваю у вас другого имени, потому что уже знаю его. Вы видите, Ричард, ваша история сделала круг... Если вы были не педантично точны хоть в чем-нибудь, вам следует исправить эту неточность.

– Я думаю, вы могли бы предупредить меня, – сказал Энфильд с тенью обиды в голосе, – но я был педантично точен, выражаясь вашими словами. У этого человека был ключ, больше – этот ключ у него и до сих пор. Я видел, как неделю тому назад он открыл ключом таинственную дверь.

Утерсон тяжело вздохнул, но не вымолвил ни слова. Молодой человек произнес следующее заключение:

– Вот новое подтверждение правила ничего не говорить. Мне стыдно за свой длинный язык. Согласимся никогда более не возвращаться к этому предмету.

– Согласен от всего сердца, – сказал адвокат, – вот вам моя рука, Ричард.

Глава II

Поиски мистера Хайда

В этот вечер мистер Утерсон вернулся в свой холостой дом в очень мрачном настроении духа и сел обедать без удовольствия. Обычно по воскресеньям, после обеда, адвокат садился поближе к огню с томом какой-нибудь сухой материи на пюпитре и читал, пока часы соседней церкви не били двенадцати ударов; тогда он скромно ложился спать с благодарностью в душе. Но в этот вечер, едва с обеденного стола убрали скатерть, как Утерсон взял свечу и отправился в свой кабинет. Там он отпер несгораемый шкаф и из самого его потайного ящика вынул документ. На папке стояла надпись: «Завещание доктора Джекиля». С нахмуренным лицом адвокат принялся изучать содержание бумаги. Завещание было написано собственноручно Джекилем, потому что хотя Утерсон и принял его на хранение, но отказал в своей помощи при его составлении. В документе говорилось, что в случае смерти Генри Джекиля, доктора медицины, члена королевского общества, доктора юриспруденции и так далее, и так далее, все его имущество должно перейти в руки его «друга и благодетеля, мистера Хайда»; кроме того, там упоминалось, что в случае *«исчезновения доктора Джекиля или его необъяснимого отсутствия в течение трех календарных месяцев»*, названный Эдуард Хайд должен вступить во владение имуществом названного Генри Джекиля без малейшего промедления; что Эдуард Хайд не повинен платить по каким бы то ни было обязательствам доктора Джекиля и только обязан выдать несколько небольших сумм слугам доктора. Этот документ уже давно служил предметом огорчения для мистера Утерсона. Он оскорблял его как адвоката и как приверженца здоровой, правильной жизни, для которого все фантастическое было несносным. Прежде его негодование увеличивалось оттого, что он не знал мистера Хайда, теперь он негодовал, узнав его. Плохо было, когда это имя представляло для адвоката один пустой звук, стало еще хуже с тех пор, как имя Хайда оделось в отталкивающие атрибуты, а через пелену тумана неизвестности вырисовывалось определенное предчувствие, которое говорило, что этот Хайд – существо адски злобное, враждебное.

– Я считал это завещание безумием, – сказал он себе, пряча оскорбительную бумагу в шкаф, – а теперь начинаю бояться, что оно позор.

Утерсон задул свечу, надел плащ и направился к цитадели медицины – Кавэндиш-Скверу. Там жил его друг, великий доктор Ленайон, принимавший в своем доме многочисленных пациентов.

«Если кто-нибудь знает суть дела, то именно Ленайон», – подумал адвокат.

Важный дворецкий доктора знал Утерсона, принял его приветливо и не заставил ждать, а сейчас же провел его в столовую, в которой доктор Ленайон сидел один за бутылкой вина. Это был здоровый, живой, краснолицый господин с гривой преждевременно поседевших волос, с шумными, решительными манерами. При виде мистера Утерсона он вскочил с места и протянул к нему обе руки. В его радостном движении была некоторая доля театральности, однако доктором руководило искреннее чувство, так как Ленайон и Утерсон были старыми друзьями по школе и колледжу. Они уважали себя и друг друга и, что не всегда является следствием этого, очень любили бывать вместе.

После разговора о незначительных вещах адвокат перешел к теме, которая так занимала и тревожила его.

– Мне кажется, Ленайон, – сказал он, – ты и я самые старые друзья Генри Джекиля.

– Я хотел бы, чтобы эти друзья были помоложе, – со смехом заметил Ленайон, – но ты прав. Что же дальше? Теперь я редко встречаюсь с ним.

– Да?.. – сказал Утерсон. – А я думал, что у вас много общих дел.

– Было, – слышался ответ. – Но вот уже более десяти лет Генри Джекиль стал слишком причудлив для меня. Он пошел по дурной дороге, то есть умственно, и хотя, конечно, я продолжаю интересоваться Джекилем во имя прошлого, но очень редко вижу с ним, чертовски редко. Ненаучное фантазерство, – прибавил доктор, вспыхнув пурпуровым румянцем, – право, разлучило бы Дамона и Пифиаса.

Этот взрыв вспыльчивости послужил почти облегчением для Утерсона. «Они просто поссорились из-за каких-нибудь медицинских вопросов, – подумал он и, будучи человеком, лишенным всяких научных страстей (адвокат питал только пристрастие к определенности, точности документов), даже прибавил: – Уж это хуже всего!». Утерсон дал своему другу несколько минут на то, чтобы прийти в себя, и затем задал вопрос, из-за которого пришел к доктору:

– Встречал ли ты когда-нибудь его *protège*, Хайда?

– Хайда? – повторил Ленайон. – Нет. Я никогда не слышал о нем.

Вот какой запас сведений принес адвокат с собой в большую, мрачную постель, на которой он ворочался до тех пор, пока брезжащий свет не стал яснее. Эта ночь не дала отдыха его работавшему уму, работавшему среди тьмы и осажденному множеством вопросов.

На церкви, которая так кстати стояла близ квартиры Утерсона, пробило шесть часов, а адвокат все еще ломал голову над проблемой. До этого дня загадка затрагивала только его ум, но теперь было увлечено или, вернее, поработано и его воображение. Он беспокойно ворочался среди ночной тьмы, наполнявшей комнату с завешенными окнами; в его уме прошел весь рассказ Энфильда в веренице ясных картин. Он увидел множество фонарей ночного города, фигуру человека, быстро шедшего по улице; он увидел, как по другой, встречной улице бежал ребенок от доктора. Они столкнулись, и чудовище в образе человека сшибло ребенка и пошло дальше, не обращая внимания на стоны малютки. Он увидел спальню в богатом доме; в ней его друг грезил и улыбался своим грезам. Вдруг дверь комнаты растворилась, распахнулся полог кровати, спящий проснулся... О, Боже, перед ним стоял человек, имевший власть даже в этот глухой час заставить его встать и исполнить предъявленное ему требование. Всю ночь адвокату виделся один и тот же ненавистный образ в том или другом виде. И если он иногда погружался в дремоту, он опять-таки видел, как Хайд крался между спящими домами, как он все скорее и скорее и, наконец, с бешеной быстротой неся по лабиринту освещенного фонарями города и на каждом углу давил малютку и бежал дальше, не обращая внимания на ее стоны. А между тем у этого образа не было лица, по которому Утерсон мог бы узнать его; даже в грезах у него не было лица, или же лицо, как бы смеявшееся над адвокатом и стоявшее перед его глазами. И вот в душе Утерсона появилось необычайно сильное, почти неудержимое желание посмотреть на черты настоящего мистера Хайда. Ему казалось, что взгляни он хоть раз на него, тайна немного рассеется, может быть, совершенно пропадет, по обыкновению всех таинственных феноменов, подвергающихся исследованию. Он мог бы тогда найти объяснение странной склонности своего друга или причины его рабства (называйте это как угодно) и даже удивительных статей завещания. Наконец, стоит посмотреть на такое лицо, на лицо человека без сострадания, на лицо, которому нужно было только показаться, чтобы вызвать у невпечатлительного Энфильда ненависть.

С этого времени Утерсон начал часто бывать у двери здания в маленькой торговой улице. Адвоката можно было видеть на его излюбленном месте утром до начала его конторских занятий, в полдень, когда дело кипело, а времени не доставало, ночью при свете окруженной туманом луны, во всякое время, при всяком освещении, во все часы.

– Если он мистер Хайд, то я – мистер Сик¹.

Наконец терпение Утерсона было вознаграждено. Стояла прекрасная, сухая ночь. Морозило; улицы были чисты, как бальный зал; фонари, не колебавшиеся от ветра, бросали правиль-

---

¹ Непереводаемая игра слов: To hide – прятаться; to seek искать.

ный свет, на котором рисовались определенные тени. Около десяти часов, когда запирались лавки, улица бывала очень уединенна и, несмотря на то, что кругом гудел Лондон, в ней царил молчание. Легкие звуки ясно раздавались в ее тишине; из домов доносился шум домашней жизни, шаги прохожих слышались еще задолго до появления их фигур. Утерсон продежурил уже некоторое время на своем посту, когда он наконец различил легкие шаги, приближавшиеся к нему. Он столько раз сторожил по ночам, что давно привык к тому, как странно и внезапно стук ног о камни выделяется на общем фоне городского гула. Однако еще никогда его внимание не бывало привлечено так сильно и так исключительно. С глубоким, суеверным предчувствием успеха он отошел ко входу во двор.

Шаги быстро приближались и внезапно раздалась громче. Адвокат выглянул из ворот и увидел, с какого рода человеком ему предстояло иметь дело. Он был мал ростом, одет просто, и вся его наружность даже на этом расстоянии внушала наблюдателю антипатию. Желая сократить время, незнакомец пересек мостовую и, приближаясь ко двору, вынул ключ из кармана, точно человек, возвращающийся домой.

Утерсон выступил вперед, и когда незнакомец проходил мимо него, слегка дотронулся до его плеча.

– Мистер Хайд, вероятно?

Хайд отступил; из его груди вырвалось свистящее дыхание. Но его страх моментально прошел, и хотя он не смотрел адвокату в глаза, но ответил довольно спокойно:

– Да, это мое имя. Что вам угодно?

– Я вижу, вы идете в дом, – продолжал адвокат. – Я старый друг доктора Джекиля, Утерсон с улицы Гаунт; вы, вероятно, слышали обо мне и, встретив вас так кстати, я думал, что вы меня примете.

– Вы не застанете доктора Джекиля; его нет дома, – возразил Хайд, продувая ключ. Потом внезапно, но не поднимая глаз, он спросил: – Как вы узнали меня?

– Со своей стороны, – сказал Утерсон, – не сделаете ли вы мне одного одолжения?

– С удовольствием, – произнес Хайд. – В чем же дело?

– Вы позволите мне взглянуть вам в лицо? – попросил адвокат.

Хайд, по-видимому, колебался, потом, точно поддаваясь внезапному решению, поднял голову с вызывающим видом. И они несколько секунд пристально смотрели друг на друга.

– Теперь я вас узнаю, – сказал Утерсон, – это может оказаться полезным.

– Да, – ответил Хайд, – так же, как и наша встреча. А проpros, вам нужно дать мой адрес, – и он назвал улицу в Сохо и номер дома.

«Боже мой, – подумал Утерсон, – неужели он в эту минуту тоже подумал озавещании?»

Однако адвокат ничего не сказал и только проворчал что-то в ответ на данный ему адрес.

– Теперь, – сказал Хайд, – объясните, как вы меня узнали?

– По описанию, – был ответ.

– Кто мог вам описать меня?

– У нас есть общие друзья, – сказал Утерсон.

– Общие друзья, – повторил Хайд немного хриплым голосом. – Кто?

– Джекиль, например, – сказал адвокат.

– Он не говорил вам обо мне! – крикнул Хайд с внезапным приливом гнева. – Я не думал, что вы умеете лгать!

– Ну, – сказал Утерсон, – так говорить не годится.

Хайд захохотал грубо, дико и через минуту с необычайной быстротой открыл дверь и исчез в доме.

Когда Хайд исчез, адвокат некоторое время постоял на улице, и вся его фигура выражала собой тревогу. Потом он медленно двинулся назад, останавливаясь каждую минуту и поднося руку ко лбу, точно человек в страшной умственной нерешительности. Он старался выяснить

одну из тех проблем, которые трудно разгадать. Мистер Хайд был бледен и походил на карлика. Он казался уродом, хотя в нем не замечалось никакой ненормальности; он улыбался противной усмешкой, и в его обращении с адвокатом проглядывала отталкивающая смесь робости и дерзости, точно в злодее; голос у него был сиплый, шепчущий, довольно прерывистый. Все это говорило не в его пользу, но тем не менее не могло служить объяснением неведомого отвращения, презрения и страха, с которыми Утерсон смотрел на него.

– В Хайде должно быть что-то особенное, – сказал себе встревоженный адвокат. – В нем есть что-то, а что именно, не знаю. Прости меня, Боже, он кажется не человеком, а представляется полутроглодитом, если так можно выразиться. Или это старая история доктора Фелля? Или низкая душа просвечивает в нем наружу и преобразует его материальную оболочку? Я думаю, последнее верно, потому что, о, мой бедный Генри Джекиль, если когда-нибудь я видел печать сатаны на человеческом лице, то именно на лице твоего нового друга!

За углом торговой улицы, на площади, стояло несколько старинных красивых домов, в настоящее время по большей части потерявших свое прежнее блестящее положение и населенных людьми всевозможных положений: картографами, архитекторами, мелкими адвокатами и агентами неизвестных предприятий. Однако один дом, второй от угла, был занят целиком, носил на себе отпечаток комфорта и богатства, хоть в настоящую минуту и был погружен во тьму, так как в нем светило одно полукруглое окошечко. У его-то двери остановился Утерсон и постучал. Ему открыл старый, хорошо одетый слуга.

– Доктор Джекиль дома, Пуль? – спросил адвокат.

– Я посмотрю, мистер Утерсон, – ответил Пуль и провел гостя в большую, но сумрачную приемную, вымощенную плитами, отопляемую по примеру загородных домов ярким открытым камином и заставленную дорогими дубовыми шкафами. – Угодно вам подождать здесь, сэр, у камина, или прикажете осветить столовую?

– Благодарю вас, я подожду здесь, – сказал адвокат и облокотился на высокую каминную решетку.

Комната, в которой он остался один, составляла любимую затею его друга-доктора; сам Утерсон любил говорить о ней, как об одной из самых привлекательных приемных Лондона. Но сегодня в душе адвоката был какой-то страх; лицо Хайда угнетало его мозг, он чувствовал (а это случалось с ним редко) тоску и отвращение к жизни. Благодаря мрачному настроению ему казалось, что он читает угрозу в мелькании отсвета камина на полированных шкафах, в беспокойном колебании теней на потолке. Сам стыдясь своей слабости, он все же почувствовал облегчение, когда вернулся Пуль и сказал ему, что доктора Джекиля нет дома.

– Я видел, что мистер Хайд вошел в дом через дверь бывшего анатомического зала, Пуль, – сказал он. – Позволительно ли это, когда доктора Джекиля нет дома?

– Вполне, сэр, – ответил слуга, – у мистера Хайда есть ключ.

– Очевидно, ваш господин очень доверяет этому молодому человеку, Пуль? – задумчиво заметил адвокат.

– Точно так, сэр, – подтвердил Пуль. – Нам всем приказано слушаться его.

– Кажется, я никогда не встречал здесь мистера Хайда?

– О, нет, сэр, он никогда не обедает у доктора, – возразил дворецкий. – Мы редко видим его в этой части нашего дома. Чаще всего он приходит и уходит через лабораторию.

– Ну, покойной ночи, Пуль.

– Покойной ночи, мистер Утерсон.

И адвокат пошел домой с большой тревогой в душе. «Бедный Гарри Джекиль, – думал он, – я чувствую, что он тонет. В молодости он был неукротим; это было давно, конечно, но в законе Божьем нет границ давности. Да, конечно, это так: Хайд призрак старого греха, едва скрытого позора... Наказание явилось, *rede claudo*, после того, как память все забыла, а себялюбие нашло извинение проступку!». И адвокат, расстроенный этими мыслями, стал раздумыв-

вать о собственном прошлом, заглядывая во все его тайники, чтобы убедиться, не выскочит ли и для него какой-нибудь чертик из табакерки в виде старого греха. Но его прошлое было совершенно безупречно; немногие люди могли так спокойно, как он, читать свитки своей жизни. Мелкие проступки, совершенные им, принижали его, однако, благодаря дальнейшим воспоминаниям, он снова поднимался в своем мнении, благочестиво прославляя свою судьбу: он часто бывал близок к ошибкам, но избегал их. Вернувшись к прежним думам, адвокат почувствовал в себе искру надежды. «Если хорошенько изучить этого мистера Хайда, – подумал он, – то, конечно, найдешь у него множество тайн и, судя по его виду, тайн мрачных; в сравнении с ними худшие заблуждения бедного Джекиля покажутся солнечным светом. Так не может продолжаться. Я холодею, представляя себе, как этот негодяй, точно вор, крадетя в спальню Гарри. Бедный Гарри, какое пробуждение! И в какой он опасности! Ведь если только этот Хайд заподозрит существование завещания, в нем может родиться желание поскорее получить наследство. О, да, мне следует взяться за это дело... Конечно, если только Джекиль не помешает мне». Он прибавил «если только Джекиль не помешает мне», потому что его духовный взор снова ясно увидел странные статьи завещания.

Глава III

Доктор Джекиль спокоен

Через две недели, в силу счастливой случайности, доктор Джекиль дал один из своих веселых обедов, пригласив к себе пять-шесть старых товарищей, людей достойных и знатных хорошего вина. Мистер Утерсон постарался остаться в доме доктора дольше всех. Впрочем, он нередко засиживался у приятелей. Там, где Утерсона любили, его любили очень. Хозяйка всегда удерживали молчаливого, сухого адвоката после ухода веселых и разговорчивых гостей; затратив много усилий на оживление, они отдыхали в его молчании. Доктор Джекиль не составлял исключения в этом отношении. Теперь, когда они сидели у огня, по выражению глаз этого высокого, полного, пятидесятилетнего человека с мягким, может быть, немного ленивым лицом, тем не менее носившем отпечаток талантливости и доброты, было видно, что он искренне и глубоко любил Утерсона.

– Мне хотелось поговорить с тобой, Джекиль, – начал адвокат. – Ты помнишь твое завещание?

Наблюдатель мог бы подметить, что доктору не понравилась эта тема, однако он весело отнесся к вопросу.

– Мой бедный Утерсон, – сказал Джекиль, – клиент вроде меня для тебя несчастье. Я никогда не видывал человека в таком отчаянии, как ты, когда я передал тебе мое завещание; разве вот еще этот мелочный педант Ленайон приходил в такую же ярость от того, что он называл моей научной ересью. О, я знаю, он очень хороший малый, тебе незачем хмуриться, превосходный малый, и мне всегда хочется почаще видеться с ним. Но что правда, то правда, он мелочный педант, невежественный брюзга-педант. Никто не приводил меня в такое негодование, как Ленайон.

– Ты знаешь, я никогда не одобрял его, – продолжал Утерсон, безжалостно оставив в стороне последнее замечание друга.

– Моего завещания? Да, конечно, знаю, – сказал доктор несколько резким тоном. – Ты говорил мне это.

– Ну, и повторю еще раз, – произнес адвокат. – Я узнал кое-что о молодом Хайде.

Красивое лицо Джекиля побледнело так, что даже его губы побелели и под его глазами появились черные тени.

– Я не хочу слышать ничего больше, – сказал он, – я думал, что мы согласились бросить этот разговор.

– То, что мне передали, было отвратительно, – продолжал Утерсон.

– Это не может изменить дела. Ты не понимаешь моего положения, – заговорил доктор, немного путаясь в словах. – Мое положение очень затруднительно, Утерсон, и очень странно, очень странно. Разговорами делу не поможешь.

– Джекиль, – сказал Утерсон, – ты меня знаешь, мне можно доверять. Выскажись, и я не сомневаюсь, что мне удастся помочь тебе.

– Мой добрый Утерсон, – сказал доктор, – это очень хорошо с твоей стороны, очень хорошо, и я не нахожу слов, чтобы поблагодарить тебя. Я вполне верю тебе; я охотнее доверился бы тебе, чем кому бы то ни было, даже больше, чем самому себе, но я не могу. Только, право, все это не то, что ты воображаешь, и дело далеко не так уж дурно. Чтобы успокоить твое доброе сердце, скажу тебе одну вещь: я отделаюсь от мистера Хайда в ту минуту, как только мне вздумается. Вот тебе моя рука, что я не лгу. Еще одно замечание, Утерсон, и я знаю, что ты не посмотришь на него дурно: все это мои личные дела, и я прошу тебя оставить их в покое.

Утерсон несколько минут молчал и раздумывал, глядя на огонь.

– Ты совершенно прав, – сказал он наконец и встал.

– Но так как мы заговорили об этом деле, надеюсь, в последний раз, – продолжал доктор, – мне хочется объяснить тебе один пункт. Я действительно очень интересуюсь бедным Хайдом. Я знаю, ты его видел; он сказал мне это, и я боюсь, что он говорил с тобой грубо. Но я искренне, очень, очень сильно интересуюсь этим молодым человеком. Если меня не станет, Утерсон, я хотел бы, чтобы ты обещал мне взять его под свою защиту и оградить его права. Я думаю, ты исполнил бы это, если бы ты знал все. А своим обещанием ты снял бы тяжесть с моей души!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.